
ИСТОРИЯ

**К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИЯХ ЛАТВИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В СССР В 1937–1938 ГГ.**

About repressions of the Latvian population in the USSR in 1937–1938th

А. Герберг (A. Herberh),
Витебский государственный медицинский университет
г. Витебск, Беларусь

У артыкуле зроблена спроба абагульненага разгляду савецкай рэпрэсіўнай палітыкі ў 1937–1938 гг. як ключавога аспекту дзяржаўнага механізму і неабходнага элемента існавання бальшавіцкага рэжыму, а таксама фактару палітычнага, эканамічнага, сацыяльнага і іншага рэгулявання жыцця грамадства. Аналізуецца палітыка «Вялікага тэрору» на прыкладзе правядзення «латышкай нацыянальнай аперацыі»: яе вытокі, праявы, механізм правядзення, сродкі і метады.

Ключавыя словы: гістарычная памяць, рэпрэсіі, латышы, «Вялікі тэрор», НКУС, 1937 г., нацыянальныя аперацыі, «латышская нацыянальная аперацыя».

In article the attempt of the generalized consideration of the Soviet repressive policy in 1937–1938th as an aspect of state mechanism and necessary element of existence of the Bolsheviks mode and also factor of political,

economical, social and other regulation of society daily life is made. The policy of «Great Terror» on the example of carrying out the «Latvian national operation» is analyzed: its sources, manifestations, mechanism of carrying out, means and methods.

Keywords: historical memory, repressions, Latvians, «The Great Terror», NKVD, 1937, national operations, «Latvian national operation».

В исторической памяти многих латышей 20–30-е гг. XX в. являются «золотым временем» независимого развития, модернизации и экономического расцвета. И даже установление авторитарного режима К. Улманиса, приведшего к отмене Конституции, роспуску Сейма Латвии, запрету политических партий, собраний и демонстраций, закрытию оппозиционных газет, аресту политических активистов, не воспринимаются трагически. Тем более, что к особо жёстким мерам Латвийское государство не прибегало даже в отношении национальных меньшинств и их активных деятелей.

В восприятии же многих советских граждан 1930-е гг. навсегда останутся годами «Большого террора», связанного с массовым физическим уничтожением людей, арестами и выселениями, проводимыми в СССР. Постепенное укрепление Сталиным своей власти в партии и стране сопровождалось разрушением достижений нэпа, внедрением в массовое сознание теории обострения борьбы против классовых врагов, внедрением различных экономических и неэкономических технологий манипулирования людьми. Требовалось осуществить так называемый «великий скачок» – форсированное развитие тяжёлой индустрии, провести сплошную коллективизацию в сельском хозяйстве, прославлять «успехи» посредством внедрения единственно верного творческого метода – соцреализма. За дополнительные пайки в условиях голода и разрухи люди соглашались повышать выработку, становились ударниками коммунистического труда. Альтернативные официальной точки зрения не допускались даже в науке и искусстве.

Административно-командная система целенаправленно формировала «нового», «удобного» человека, дисциплинированно и пунктуально внедрявшего в жизнь постулаты марксистско-ленинской теории в понимании и интерпретации ЦК ВКП(б). В сознание людей внедрялись идеи всеобщей бдительности и постоянного ожидания войны, нагнеталась атмосфера страха. Звучали призывы к выявлению врагов по всей стране и во всех сферах. В условиях «чрезвычайщины» любые провалы, экономические потери, бесхозяйственность, хаос и неразбериху стало удобно списывать на «разоблачённых» органами ОГПУ–НКВД «вредителей» в разных отраслях народного хозяйства.

Яркую характеристику нравственного нездоровья советского общества 1930-х гг. можно увидеть в стихотворении одного из «обличителей троцкизма», тенденциозного пропагандиста – поэта А. Безыменского (по одной из версий, ставшего прототипом Ивана Бездомного в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»):

*«Построятся в ряд боевые года
Привстанет на миг председатель суда,
И голосом тысяч рабочих колонн
Потребуется списка враждебных имён».*

На XVII съезде ВКП(б)¹ Сталин уже не скрывал, что репрессии и насилие могут стать элементом социалистического строительства: «Было бы наивно думать, что можно побороть эти трудности при помощи резолюций и постановлений. Бюрократы и канцеляристы давно уже набили руку на том, чтобы на словах продемонстрировать верность решениям партии и правительства, а на деле – положить их под сукно» [1].

Странная смерть С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. была использована как повод для раскручивания маховика репрессий. Юридическая основа создавалась параллельно – было издано постановление Президиума ЦИК «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов». Данным постановлением вводились новые принципы проведения следствия против обвиняемых в терроризме. Сроки следствия ограничивались 10-ю днями, а ВМН (высшая мера наказания) приводилась в исполнение немедленно. Приговоры обжалованию не подлежали. С 1935 г. была официально установлена уголовная ответственность (вплоть до смертной казни) в отношении детей начиная с 12 лет. Также вступил в действие закон о наказании членов семей изменников Родины (ЧСИР) [2].

Таким образом, тезис о том, что по мере строительства социализма враждебные классы, чувствуя неизбежность своего поражения и ненавидя рабочий класс, усиливают вредительскую деятельность и прибегают к практике террора, становился во внутренней политике СССР определяющим. Обвиняемые признавались в шпионаже, промышленном саботаже, вредительстве, организации голода в стране и иных фантастических злодеяниях. Большинство людей осуждалось за «контрреволюционную деятельность» (статья 58 УК РСФСР) – удельный вес осуждённых по данной статье составил на 1940 г. 33,1% [2, с. 168].

¹ XVII съезд ВКП (б) проходил с 26 января по 10 февраля 1934 г. в Москве, называемый также «съезд победителей» и он же «съезд расстрелянных», т.к. более половины делегатов была впоследствии репрессирована в годы «Большого террора».

Начало «Большому террору» положил Пленум ЦК ВКП(б), проходивший с 23 февраля по 5 марта 1937 г. и санкционировавший арест Н. Бухарина и А. Рыкова, а также чистки в государственном аппарате и армии. Сталин в своей речи заявлял, что «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные [...] агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты» [3].

3 июля 1937 г. Сталин направил в органы НКВД и региональному партийному руководству телеграмму по решению Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 «Об антисоветских элементах» от 2 июля. В ней говорилось о начале общегосударственной кампании преследования раскулаченных лиц и «преступников»:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, вернувшись в свои области, – являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает [...] взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы, были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке» [4].

В данной телеграмме прямо и конкретно, без всяких эвфемизмов и попыток скрыть очевидные последствия, сформулирована логика и средства для осуществления массовых репрессий.

30 июля 1937 г. был принят приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». На основании этого приказа была осуществлена самая массовая операция «Большого террора». Он содержал конкретный перечень «антисоветских элементов», определял сроки операции (4 месяца, начиная с 5 августа), «плановые» цифры для осуждения (их при условии представления «мотивированного ходатайства» разрешалось увеличивать).

Лица, относимые к первой категории («наиболее враждебные») подлежали расстрелу; а относимые ко второй категории («менее активные, но всё же враждебные элементы») подлежали аресту и заключению в лагеря или тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Приговоры выносились республиканскими, краевыми и областными тройками НКВД [5, с. 234–235].

Отделения НКВД вели между собой соревнование в количестве выявленных и уничтоженных «врагов народа». Нормой было применение физического воздействия при допросах. Судебная система не справлялась с огромным потоком обвиняемых. Поэтому были введены внесудебные органы – «особые совещания», «двойки», «тройки». Судопроизводство стало конвейерным. При этом система ГУЛАГа (на 1 марта 1940 г. включала 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний для несовершеннолетних) остро нуждалась в новых рабочих руках [6].

15 августа 1937 г. был издан приказ НКВД № 00486, предусматривавший порядок «арестов жён изменников родины, участников правотроцкистских организаций, шпионов и диверсантов». Был установлен принцип ответственности ЧСИР, порядок их ареста и осуждения на 5–8 лет и размещения их детей в специальных детдомах для ЧСИР. Женщин отправляли в «АЛЖИР» – Акмолинский лагерь жён изменников Родины. В случае, если дети были старше 15 лет и признавались «социально опасными», то они также подлежали аресту [7].

Также приказом НКВД № 00485 устанавливался особый «альбомный порядок» оформления дел, который также использовался и при проведении национальных операций. Работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки на осуждённых с разбивкой их по категориям (расстрел или заключение в лагеря на 5–10 лет). В дальнейшем эти справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывали, поддерживая или корректируя предложенные меры наказания, начальник УНКВД или нарком внутренних дел республики и местный прокурор. Затем «альбом» направлялся в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР (на тот момент Н. Ежов и А. Вышинский). Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в местные УНКВД. За один раз Н. Ежов и А. Вышинский могли вынести несколько сотен смертных приговоров, например, 29 декабря 1937 г. они приговорили к расстрелу 992 человека [5, с. 301–303].

Значимое место в развёртывании массовых репрессий заняли т.наз. «национальные операции», крупнейшими из которых были «польская», «латышская», «немецкая» и др. Следует, однако, вспомнить, что репрессивная политика в отношении латышского населения

стала нарастать ещё в середине 1920-х гг. В условиях усиления тоталитарных тенденций в советском государстве и развёртывания политики коллективизации, не принятой многими латышскими крестьянами, возник вопрос об их возвращении на этническую Родину. Латыши стали обращаться в дипломатические представительства за помощью в деле их выезда. Советские власти всеми силами и средствами стремились препятствовать этому. Например, консула Латвийской Республики в Витебске Г. Пунга неоднократно предупреждали и обвиняли в создании антисоветских и шпионских обществ. Так, в 1929–1930 гг. было сфабриковано так называемое «дело латышского заговора на Смоленщине», по материалам которого Консульство в Витебске было представлено как идейный и координационный центр контрреволюционной деятельности среди латышского крестьянства. Это стало причиной выезда консула Г. Пунга из БССР в 1930 г. А в 1932 г. Консульство в Витебске вынуждено было и вовсе закрыть свои двери [8].

Такая политика в отношении латышей усилилась в ходе проведения «латышской» операции в 1937–1938 гг. Особое рвение и инициативу при её осуществлении проявил начальник УНКВД Смоленской области А.А. Наседкин (в дальнейшем нарком внутренних дел БССР), который входил в состав особой тройки НКВД СССР. В ноябре 1937 г. в Москве он выступил с докладом о латышском националистическом центре. А.А. Наседкин утверждал, что данный центр представляет собой разветвлённую организацию, имеющую своих членов в латсекции Коминтерна, обществе «Прометей» и других обществах и предложил арестовать 500 человек, исходя из данных оперативного учёта на 5 000 человек. Н. Ежов дал санкцию на арест не менее 1500–2000 человек. Через два дня нарком согласовал проведение «латышской» операции с ЦК ВКП(б) [9].

30 ноября 1937 г. в управления НКВД была направлена шифротелеграмма № 49990 о проведении операции в отношении перебежчиков из Латвии, активистов латышских клубов и обществ. В ней предлагалось с 3 декабря приступить к «аресту всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсиях, антисоветской националистической работе». Было выделено восемь категорий латышей, подлежащих аресту:

- 1) находившиеся на учёте и разрабатываемые;
- 2) политэмигранты из Латвии, прибывшие в СССР после 1920 г.;
- 3) перебежчики;
- 4) руководители, члены правлений и сотрудники местных филиалов общества «Прометей» и латышских клубов;
- 5) руководители и члены бюро местных отделений общества латышских стрелков при Осовиахиме;

6) бывшие руководители и члены правлений бывших акционерных обществ «Продукт» и «Лесопродукт»;

7) латвийские подданные, за исключением сотрудников диппредставительств;

8) латыши, прибывшие в СССР в качестве туристов и осевшие в СССР.

Особое внимание рекомендовалось обратить на тщательную «очистку» от латышей предприятий оборонного значения, транспорта, учреждений, связанных с оборонной, мобилизационной, шифровальной работой, зон особого режима и запретных зон [10].

Никаких разнарядок по национальным операциями не предусматривалось. Начальникам местных органов НКВД предоставлялась полная свобода действий. В результате были арестованы даже такие видные латыши, советские военачальники и чекисты, как командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис, один из создателей и руководителей советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга Я.К. Берзин, один из создателей и первых руководителей ВЧК Я.Х. Петерс, революционер и видный деятель ВЧК-ОГПУ М.И. Лацис, первый главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР И.И. Вацетис.

Стиль и методы работы органов НКВД по «латышской национальной операции» ярко иллюстрируют показания арестованного начальника 3-го отдела УНКВД Московской области А.О. Постеля: «С прибытием Заковского¹ массовые аресты так называемой “латышской организации”, которые заранее определялись по контрольным цифрам на арест по каждому отделу на каждый месяц в количестве 1000–1200 человек, превратилась в буквальную охоту за латышами и уничтожение взрослой части мужского латышского населения в Москве, так как доходили до разыскивания латышей по приписным листкам в милиции. Установки Заковского “бить морды при первом допросе”, брать короткие показания на пару страниц об участии в организации и новых людях и личные примеры его в Таганской тюрьме, как нужно допрашивать – вызвали массовое почти поголовное избиение арестованных и вынужденные клеветнические показания арестованных не только на себя, но на своих знакомых, близких, сослуживцев и даже родственников. [...] Во время разворота латышской операции Каверзнев² получил задание громить латышский клуб со всеми его ответвлениями, и при

¹ Заковский Леонид Михайлович (1894–1938), наст. имя Генрих Эрнестович Штубис – латыш, сотрудник органов госбезопасности, член особой тройки НКВД СССР.

² Каверзнев Михаил Карлович (1905–1975) – русский, сотрудник органов госбезопасности, в 1937–1939 гг. заместитель начальника, затем начальник 8-го отделения 3-го отдела УНКВД Московской области. В 1956 г. лишён звания генерал-майор за нарушение социалистической законности при ведении следствия и фальсификацию следственных дел.

наличии контрольных цифр на арест. [...] Чтобы не тратить времени на аресты невинных латышей путём даже допросов и дать липовые протоколы арестованных, которые часто сами сознавались, но никого не называли за отсутствием знакомых латышей – Каверзнев ускорил этот технический процесс тем, что взял списки всех членов латышского клуба, в большинстве рабочих, партийных и беспартийных многих заводов, и аресты производил сейчас же, только после установки их в Москве. [...] В показаниях фигурировали крупнейшие партийные, военные работники, в первую очередь Рудзутак, Алкснис, Лацис – бывший зам. председателя ВЧК, Петерс, Берновский и др.» [11].

Как свидетельствуют показания арестованного начальника 3-го отдела 3-го управления НКВД СССР А.П. Радзивиловского, конкретные указания по методике фальсификации дел и применении методов физической расправы исходили от чиновников самых высоких постов и званий, например, непосредственно от наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова и его заместителя М.П. Фриновского: «Здесь же я спросил Ежова как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей, он ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, следует наметить несколько латышей из членов ВКП(б) и выбить из них необходимые показания: “С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться альбомным порядком. Надо доказать, что латыши, поляки и др., состоящие в ВКП(б), шпионы и диверсанты”. [...] Все показания о их якобы антисоветской деятельности получались, как правило, в результате истязаний арестованных, широко применявшихся как в центральном, так и в периферийных органах НКВД. Фриновский рекомендовал мне, в тех случаях, если не удастся получить признания от арестованных, приговаривать их к расстрелу, даже на основе косвенных свидетельских показаний или просто непроверенных агентурных материалов» (*Из материалов расследования прокуратуры Московского военного округа методов проведения «латышской операции» НКВД СССР в 1938 г.*) [11].

31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление – «разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР» [5, с. 468–469; 12].

По причине малого числа арестованных латышей 3 июля 1938 г. была принята директива № 5309, в которой прямо говорилось о том,

что там, где есть латышское население, обязательно должна быть контрреволюционная организация. 11 августа 1938 г. повторно появилась аналогичная по содержанию директива № 6428 [13].

Деятельность «особых троек» была приостановлена точно в срок – 17 ноября 1938 г. Совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» объявило о прекращении органами НКВД и Прокуратуры всех массовых операций, а последовавший за ним приказ НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. (был подписан уже новым наркомом Л. Берией) отменил приказы, циркуляры и распоряжения 1937–1938 гг., инициировавшие массовые операции [5, с. 612–617; 14].

Оценить масштабы репрессий в отношении латышского населения в 1937–1938 гг. достаточно проблематично, так как данные весьма противоречивые. В ходе «латышской» операции по отчётным данным на 10 сентября 1938 г. комиссией НКВД и Прокурора СССР было рассмотрено 17 851 дело, в результате чего приговорено к расстрелу 13 944 человека. Всего в СССР в рамках «латышской национальной операции» осуждено 21 300 человек, из которых 16 575 человек расстреляно [15].

Согласно данным 3-го отдела управления госбезопасности НКВД БССР за 3 месяца, с 1 июня по 1 сентября 1938 г., было репрессировано на территории БССР 6 530 «шпионов, диверсантов и агентов польской, латвийской и немецкой разведок», среди которых было 400 латышей [16].

По данным за декабрь 1938 г. в справке НКВД БССР «Об итогах операций по польской, немецкой и латвийской агентуре в БССР» с августа 1937 г. по конец октября 1938 г. по «национальным» операциям было арестовано 23 439 человек: по «латышской» операции было арестовано 1 459 человек, в т.ч. 1 089 латышей; по «польской» – 122 латыша [17].

Над изучением и осмыслением того, что представлял собой феномен советского тоталитаризма, работали философы, историки, социологи и др. Однако тема репрессий 1930-х гг. в отношении советских граждан иностранного происхождения остаётся до сих пор недостаточно изученной в историографии.

Географическое соседство Латвийской Республики и СССР обусловило существование латышского этноса в двух разных реальностях и испытание ими на себе двух путей общественного развития. Горнило советской репрессивной политики 1930-х гг. затронуло латышей, проживавших на территории СССР самым непосредственным образом, и имело широкомасштабные негативные, во многом необратимые последствия.

Во время нашей работы с фондами Академической библиотеки Латвийского университета с подшивками издававшейся в межвоенный

период массовой общественно-политической русскоязычной газеты «Сегодня» за 1937–1938 гг. было замечено, что авторами статей того времени затрагивалась тема сталинских репрессий, о чём свидетельствуют следующие заголовки: «Заговоръ съ цѣлью освобожденія Ягоды?», «Приговоренные къ разстрѣлу видные коммун. дѣятели стремились къ отторженію Аджаріи отъ СССР», «Какъ борются съ партійной оппозиціей въ СССР», «Арестованъ Рыковъ, ближайшій соратникъ Ленина», «Пятаковъ “чистосердечно кается” въ своихъ преступленіяхъ», «И вдову Ленина подь судъ?» и т.п. Тем не менее национальных операций они не касались. СССР к этому времени уже был достаточно закрытой страной и материалы публикуемых в «Сегодня» статей основывались преимущественно на материалах советских газет «Правда» и т.п. Иметь собственного корреспондента в СССР или хотя бы независимый источник информации было невозможно. Таким образом, можно отметить, что в Латвийской Республике, скорее всего, в то время не знали и не осознавали масштабов советской репрессивной политики в отношении этнических латышей и всей трагедии их последствий.

Использованные источники:

1. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. Заседание первое (26 января 1934 г., вечернее) [Электронный ресурс] // Хронос. – Режим доступа: http://www.hrono.info/dokum/1934vkrb17/1_2_1.php. – Дата доступа: 01.06.2019.
2. История России: 1917–1945 гг. : Курс лекций / В.И. Меньковский, Е.Ф. Савчук, О.В. Бригадина, И.А. Литвиновский ; Под ред. В.И. Меньковского. – Минск : «Экоперспектива», 2001. – С. 163–186.
3. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 г. Вечернее заседание. Доклад т. Сталина // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 3–15.
4. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 32.
5. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 гг. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М. : МФД, 2004. – 736 с.
6. Земсков, В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / В. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10–27; 1991. – № 7. – С. 3–16.
7. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00486 от 15 августа 1937 года [Электронный ресурс] // Международное общество «Мемориал». – Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/document/00486.htm>. – Дата доступа: 01.06.2019.
8. Королёв, М. Консульство и консулы Латвии в Витебске / М. Королёв, Э. Екабсонс; науч. ред. В.М. Шорец. – Изд. 2-е, доп. – Витебск : НИП «ЛиБ», 2017. – 140 с.
9. Кропачев, С.А. «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР [Электронный ресурс] / С.А. Кропачев // Десять лет, изменившие страну. – 2011. – Режим доступа: <https://abai.kz/post/8783>. – Дата доступа: 01.06.2019.
10. Латвия–Беларусь: 1918–2018 : [коллективная монография] / редкол. М. Королёв (гл. ред.) и др. – Минск : Четыре четверти, 2018. – С. 115–119.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 3. Д. 7571. Т. 2. Л. 175–177.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 585. Л. 21.

13. Агеенко, Т. Репрессии в отношении латышского национального меньшинства в БССР в 1937–1938 гг. / Т. Агеенко // Латыши и белорусы: вместе сквозь века : сб. науч. ст. Вып. 2 / редкол.: М.Г. Королёв [и др.]. – Минск : РИВШ, 2014. – С. 18–25.
14. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 92–96.
15. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс] / Сост. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский // Международное общество «Мемориал». – 2007. – Режим доступа: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/hronika.html#y1. – Дата доступа: 01.06.2019.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 21. Д. 1412. Л. 2–12.
17. НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 21. Д. 1397.